

2. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. // Издательство НИИ «Проблем укрепления законности и правопорядка»: М., 1997. С. 63.

3. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя // Красноярск, 1997. С. 8-47.

4. См. Проект общей части УПК Российской Федерации // Государственное Правовое управление Президента Российской Федерации. М., август 1994.

5. Стойко Н. Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. 2002. № 4. С. 85.

Василий Иванович АЛЕКСЕЕВ —
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
кандидат исторических наук

УДК 343.812(947+957)

ССЫЛКА НА КАТОРГУ КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ (1879-1900 ГГ.)

АННОТАЦИЯ. В пореформенный период в июле 1879 г. применяется прогрессивная система наказания, основанная на заслугах преступников. Эта система заключала в себе три ступени: карательная, исправительная, испытательная. Преследуя исправительные цели наказания, государство в течение более или менее продолжительного периода лишения свободы создает в местах заключения условия, препятствующие совершению новых преступных деяний.

In the reform period of July 1879, a progressive system of punishment based upon criminals' desert was used. The system included three stages: punitive, corrective, and trial. The state, pursuing corrective objectives of punishment during more or less long term of imprisonment, provides conditions in the places of detention aimed at preventing criminals to commit new crimes.

В пореформенный период происходит совершенствование тюремного законодательства под влиянием закона от 11 декабря 1879 года [1]. В 1885 г. появилась очередная редакция Уложения о наказаниях. Правовое регулирование исполнения уголовных наказаний осуществлялось на основании Устава о ссыльных 1890 г. и по разновременным изданным циркулярным распоряжениям министров внутренних дел, юстиции и начальника Главного тюремного управления. В пореформенный период, как свидетельствует уголовно-пенитенциарное законодательство, применяется прогрессивная система исполнения наказания. Большое разнообразие приемов и средств тюремной деятельности в местах каторжного заключения было направлено на достижение целей уголовного наказания, в частности, предупреждение преступности, исправление заключенных и безопасность общества. Преследуя исправительные цели наказания, государство в течение более или менее продолжительного периода лишения свободы создает в местах заключения условия, препятствующие совершению новых преступных деяний. Применяемое с этой целью устрашение при исполнении наказания в пореформенный период характеризуется не столько тяжестью наказания за каждое преступное деяние, сколько его неизбежностью. При соблюдении этого условия выполняется главная и существенная задача всего уголовного правосудия — поддержание авторитета закона. Таков лейтмотив преобразований уголовных наказаний, что и было и изложено в законе от 11 декабря 1879 года.

В действовавшем в ту пору законодательстве применялись, как наказание, три вида ссылки : ссылка на каторжные работы, ссылка на поселение, ссылка на житье по судебному приговору (ст. ст. 108-109 Уст. Ссыл.). При этом следует иметь в виду, что в течение всего XIX в. вышеуказанные наказания как мера репрессии наряду с лишением свободы применялись вплоть до отмены ссылки. Какие преступления влекли за собой уголовную ответственность? В общем с 1874 по 1893 гг. преступления против личности возросли на 115%, убийства, телесные повреждения, оставление в опасности и др. возросли на 78%. Дифференциация общих цифр преступности по отдельным регистрировавшимся уголовной статистикой видам преступлений дают следующую картину. Если сравнить данные 1874-1879 гг. с данными 1889-1893 гг., приняв первые за 100%, то особенно резкое возрастание показывают религиозные преступления (300%), лжеприсяга (422% возникающих дел и 212% осужденных), общественные соблазн (362% возникших дел и 630% осужденных), растление и изнасилование (211% и 166%), служебные преступления (122% и 322%) и отдельные преступления против личности (убийство 146% и 138%) [2]. В структуре наказаний по приговорам общих судов за 1889-1893 гг. уголовные наказания представлены цифрой 8,8% (табл. 1).

Таблица 1

Структура наказаний по приговорам общих судов
за 1889-1893 гг. (в %).

Уголовные наказания			Исправительные наказания					
Ссылка на каторжные работы	Ссылка на поселение	Ссылка на житье в Сибирь и другие отдаленные губернии	Отдача в арестантское отделение	Заключение в тюрьму		Арест	Выговор и денежные взыскания	Церковные и другие легкие наказания
				С лишением и ограничением прав	Без оных			
4,2	4,6	0,5	20,3	5,1	23,5	24,7	8,0	9,1

По данным ГТУ в 1882-1898 гг. в Сибири сосредоточилось 226 999 человек.

Таблица 2

Динамика ссылки в Сибирь (1882-1898 гг.) [3]

Сослано	1882-1889		1890-1898		Всего
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
На поселение по суду	21 776	1 299	21 808	1 119	46 002
На житье по суду	1 506	63	1 589	62	3 220
На водворение (брод.)	13 011	595	7 717	329	21 652
Не принятых обществами	21 929	1 297	16 874	1 103	43 203
Удаленных обществами	9 015	511	16 438	966	26 930
Административная ссылка	2 820	404	1 498	72	4 794
Добровольно следовавшие в ссылку члены семьи	35 323	-	45 875	-	81 198
ВСЕГО	105 380		113 050		226 999
В среднем в год	13 700		13 050		

Из табл. 2 видно, что число сосланных по приговорам судов составляло всего лишь 1/5 от общего количества и, следовательно, основная масса сосланных попадала в Сибирь во внесудебном порядке. Любопытно, что значительная часть сосланных (почти 1/3) проходит в отчете министерства внутренних дел по рубрикам «непри-

нятых и удаленных обществами». Отсутствие графы «ссылка на каторгу» по табл. 2 указывает на то, что последствием ее будет ссылка на поселение в соответствии с законом. Отчеты Главного тюремного управления рисуют картину широкого распространения среди отдельных видов уголовной репрессии, ссылки как меры наказания и меры пресечения. В исследовании рассматривается ссылка исключительно по приговору суда и отбытие наказания в связи с ним, ибо другие виды ссылки преследуют полицейские цели, но не пенитенциарные.

На основании ст. 283 Уст. Ссыл. по прод. 1895 г. каторжные, поступившие вследствие распределения Тюменского приказа о ссыльных, в ведомство управления Нерчинской каторгой и в распоряжении главного начальства Иркутского и Приамурского Генерал-губернаторств, на основании произнесенных над ними приговоров разделяются: I разряда — осужденные к каторжным работам без срока или на время свыше 20 лет; осужденные к работам от 8 до 20 лет именуется каторжными II разряда; осужденные к работам от 4 до 8 лет именуется каторжными III разряда (табл. 3) [4].

Таблица 3.

Классификация преступников

Разряды	Осужденные на каторжные работы	Время, по прошествии которого допускается причисление каторжных в разряд исправляющихся.	Время, по прошествии которого каторжники могут получить разрешение на жительство вне тюрьмы
I	1. Без срока.	8	11
	2. Свыше 20 лет.	5	8
II	3. От 15 до 20 лет.	4	6
	4. От 12 до 15 лет.	2	4
	5. От 8 до 10 лет.	1,5	3,5
III	6. От 6 до 8 лет.	1,5	2,5
	7. От 4 до 6 лет	1	-

Данные приведенной таблицы подчеркивают прогрессивный характер исполнения уголовных наказаний. Каждый преступник, поступающий первоначально в отряд испытуемых, срок заключения в котором определяется строгостью судебного приговора (от 6 до 8 лет), подавший в течение этого срока надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия, зачисляется в отряд исправляющихся. Арестанты этого разряда содержатся без оков и, в случае возможности, помещаются и используются на работы отдельно от испытуемых. И, наконец, перевод во внетюремный разряд. «Начало постепенности, — пишет И. Я. Фойницкий, — как доказал опыт, никогда не может быть признано полным, если оно ограничивается льготами, касающимися тюремной жизни арестантства» [5].

Таким образом, все ссыльно-каторжные, при одобрительном их поведении, через известное время, продолжительность которого зависит от степени назначенного им наказания, могут быть причислены сначала в отряд исправляющихся, а потом во внетюремный разряд; время действительного тюремного их заключения значительно меньше срока наказания, назначенного им по суду. В отмеченных сроках долгосрочного каторжного заключения выражена не только карательная сущность наказания, но и преследуемые им цели.

Характеристика целей наказаний, изложенных в сочинениях Фойницкого, Познышева, Сергеевского принадлежат к числу превентивных целей и являются очевидными в плане обеспечения гарантий законности и обыкновенно сводятся «к общему и частному предупреждению преступлений» [6]. Поэтому «так как наказание есть выражение юридического отношения, возникающего между государством и преступником, то, конечно, к области наказания могут быть относимы только юридические

последствия преступления, изменяющие права и юридические интересы лица наказываемого» [7], а следовательно, могут быть отнесены к карательной деятельности государства. В позиции Н. С. Таганцева изложена частично предупредительная деятельность государства, которая может быть выражена не иначе как через специфическое государственное управление, которому принадлежит активная роль в предупреждении преступности, ввиду устанавливаемого тюремного режима. Режим устанавливает правила поведения всех субъектов и участников правоотношений [8]. Достижение юридической цели в динамической модели правового регулирования осуществляется как в силу сознательного правомерного поведения субъектов, так и в силу действующих в сфере регулируемых правом общественных отношений «под угрозой наказания в законе и исполнения этой угрозы» [9].

Для решения поставленной проблемы требуется рассмотреть правовое регулирование исполнения наказания на различных ступенях применения права, которое располагает своими специфическими функциями — функциями специфического проявления государственного управления. На эту сторону соотношения права и социального управления обратил внимание С. С. Алексеев, который пишет, что «право может быть интерпретировано в качестве управленческого явления. Познавательный эффект от такой интерпретации затрагивает и социальное управление и право» [10].

Сказанное со всей очевидностью свидетельствует о том, пишет Д. П. Керимов, что «законодательство, законность и правопорядок являются своеобразной сферой, одним из важных видов управления жизнедеятельностью общества. Более того, без этого вида управления общество ни существовать, ни функционировать, ни развиваться не может» [11]. Следовательно, реализация права при исполнении наказания представляет собой специфическую управленческую деятельность, являющуюся одной из разновидностей социального управления.

Таким образом, правовое регулирование как элемент социального управления не только формирует цели материальные, но и обеспечивает их достижение. В конструкции диалектической взаимосвязи специфического государственного управления и правового регулирования рассмотрим сначала механизм управления ссылкой. Реформаторский характер специфического государственного управления состоял в изменении субъекта управления в местном тюремном управлении. В частности, с 1895 года осуществлялся переход полномочий центрального губернского тюремного управления на начальника губернского тюремного управления под юрисдикцией министра юстиции, с образованием тюремных инспекций. Такие изменения в преобразовании центрального губернского тюремного управления стали возможны при рассмотрении основных вопросов организации тюремной части в особом совещании в комиссии под председательством министра юстиции [12].

Итак, в системе губернского тюремного управления местное тюремное единоличное управление возглавляет начальник губернского тюремного управления. В связи с изложенным следует особо остановить внимание на предметах ведения между губернским правлением и губернским тюремным управлением, по вопросам передвижения арестантов и ссыльных, наблюдению за исполнением судебных приговоров, когда последнее стало самостоятельным тюремным учреждением в составе министерства юстиции. На начальника губернского тюремного управления возлагались распоряжения по передвижению арестантов и ссыльных, наблюдение за исполнением при их передвижении постановлений закона и составление списков на ссыльных и отправляемых в исправительные арестантские отделения (ст. 956 Уст. Уг. Суд.) [13]. Весь объем изложенных задач, ранее принадлежавших губернскому управлению, теперь стал принадлежать начальнику губернского тюремного управления.

Во всех без исключения местах содержания заключенных, или обвиняемых, взятых под стражу, начальнику губернского тюремного управления принадлежит наблюдение за исполнением правил, установленных законом или распоряжениями соответствующими

щих властей, о размещении арестантов и способе их содержания [14]. На них возлагался по тому же проекту прием распределенных ссыльных и отправление в назначенные места (ст. ст. 174-177 Уст. Ссыл.), прием и высылку по назначению имущества осужденных в ссылку на жительство (ст. 240 Уст. Ссыл.) и надзор за правильностью действий заведывающих препровождением ссыльных воинских начальств (ст. ст. 218, 227 Уст. Ссыл. по прод. 1895г.). Наконец, снабжение ссыльных продовольствием (ст. ст. 170-173, 192 и 209 Уст. Ссыл.) будет составлять, согласно проекту, обязанность начальников тюрем (ст. 35. п. «а» проекта) под наблюдением начальников губернских тюремных управлений (губернского тюремного инспектора — В. А.) [15].

Приведенный сравнительный анализ предписаний, изложенных в Уставе о ссыльных издания 1890 года с предложениями министра юстиции показывает, что весь круг мер по исполнению закона, ранее принадлежавший губернскому правлению, теперь стал принадлежать губернскому тюремному управлению. В обязанности тюремных отделений губернских тюремных управлений входит направление ссыльно-каторжных в тюрьмы и в казенные работы (ст. ст. 155-156 Уст. Ссыл.), расселение по волостям ссыльно-поселенцев (ст. ст. 157-158 Уст. Ссыл.; ст. ст. 164, 320, 327 по прод. 1895г.), сосланных за бродяжничество (ст. ст. 148, 510 Уст. Ссыл.) и переселенных в административном порядке (ст. 514, 515 Уст. Ссыл.) и назначение мест жительства для сосланных на жительство (ст. 500. прим. 1., ст. 502 Уст. Ссыл.), причем они обязаны со своей стороны уведомлять о сделанном распределении Тюменский приказ о ссыльных (ст. ст. 271-272, 278-281, 518 Уст. Ссыл.) [16].

Необходимость коренного преобразования управления в местах лишения свободы и каторжного заключения, в частности, объясняется тем, что тюремное дело вообще требует большой распорядительности, а арестантская часть этого дела состоит в быстром и без необходимости продолжительного обсуждения исполнении. Ввиду этого предпочтительна исключительно единоличная деятельность губернского тюремного инспектора [17]. Анализ исполнения наказания в прошлом показал, что коллегиальная форма власти в виде губернского правления была неприемлемой, поскольку при неудачном выборе лица, заведующим тюремным делом производством, появлялась возможность оправдания его ошибки ссылкой на зависимость от коллегиального учреждения [18].

Таким образом, если дела по ссыльной и пересыльной части до 1895 г. находились в ведении губернского начальства и входили в обязанности полиции, то в условиях преобразования местного тюремного управления сосредотачивались в тюремных отделениях в кругу дел, подведомственных губернским тюремным управлениям. Эти дела о ссыльно-каторжных, ссыльнопереселенцах являлись их обязанностью и от организации их исполнения в конечном счете зависел пенитенциарный характер уголовного наказания [19].

Другие дела, связанные со ссылкой на жительство по судебному приговору, наказание ссылкой в административном порядке (административно-ссыльные) находились в теснейшей зависимости от местных условий организации ссылки, и в случае передачи их в подчинение органов министерства юстиции, по мнению министра, было необходимо особое постановление [20]. Вместе с тем указанные обязанности по делам высланных в Сибирь в порядке административном не могут быть подведомственны органам министерства юстиции. Приведение в исполнение постановлений о их переселении предполагается оставить в ведении губернских правлений [21].

Само собой разумеется, что местное распределение ссыльных по судебным приговорам должно осуществляться не иначе как по соглашению с губернским начальством, и что от такого соглашения будет зависеть и перевод ссыльнопоселенцев в другие волости и округа (ст. 333 Уст. Ссыл. по прод. 1895г.), равно как избрание местностей для расселения лютеран (ст. 164), евреев (ст. 496), духоборцев и молокан (п. 3. ст. 498 Уст. Ссыл. по прод. 1895г.) [22]. Что касается обязанностей по делам о высланных на основании общественных приговоров о принятии и непринятии арестантов, оканчиваю-

щих сроки исправительных наказаний, в среду их обществ, по мнению Главного тюремного управления, также не может быть в ведении губернского тюремного инспектора [23]. Эти обязанности не могут быть перенесены на органы министерства юстиции по местному управлению тюремной частью. Они составляют отрасль общей администрации в губернии, почему в некоторых случаях, как например, по утверждению приговоров крестьянских обществ, те же обязанности присвоены губернским присутствиям [24].

Все вышеизложенное, кроме административно-ссылных, а также по приговорам мещанских и крестьянских обществ относилось к обязанностям губернского тюремного правления и мерам полицейского характера. Высылка есть изгнание, запрещение жить в известной местности, каковыми являются административная ссылка и ссылка по приговорам обществ. Как пенитенциарная мера, высылка в России сохранялась в виде приговоров крестьянских и мещанских обществ. С точки зрения группы, изгоняющей из своей среды человека порочного, это средство целесообразно, но лишь в том случае, если эта мера носит исключительный характер, как наказание за государственное преступление и высылка по своему характеру носит лишь тип полицейской меры и поэтому почти всецело относится к этой области науки [25].

Находясь в ведении надлежащих управлений по месту отбывания ими в Сибири каторжных работ, ссылно-каторжные пользуются покровительством экспедиции осылных, т. е. тюремного отделения губернского тюремного управления той губернии, в которой они находятся (ст. 282 Уст. Ссыл.). Таким представлялся уровень организационно-правовых мероприятий, связанных, с одной стороны, с упорядочением управления среднего тюремного звена в системе, а с другой стороны — с эффективностью исполнения уголовных наказаний.

Особенностью исполнения уголовного наказания являлось, как это предусматривалось уголовно-пенитенциарным законодательством, исправление преступника, а не только, как это было в прошлом, возмездие за содеянное. Ст. ст. 299-300 Уст. Ссыл. по прод. 1895 года примечательны тем, что в их содержании заключен четко пенитенциарно-педагогический принцип исправления. Подавшие надежду на исправление доказательствами покорности начальству, воздержанности, опрятности и трудолюбия, причисляются в отряд исправляющихся» (ст. 300 Уст. Ссыл.). Такая льгота установлена в ст. 299. Прил. 1 в следующем порядке: 1) каторжным первого и второго разрядов: а) назначенным на работы от шести до 12 лет — 1,5 года; б) назначенным работы от трех лет до шести — один год; в) назначенным на время менее трех лет — шесть месяцев; 2) каторжным третьего разряда: а) назначенным на работы на время от двух до четырех лет — шесть месяцев и б) назначенным на время менее двух лет — три месяца (табл. 9) [26].

«Причисление в отряд исправляющихся производится управлениями заведывающими каторжными при строгом рассмотрении сведений, содержащихся в списках о каторжных; им объявляется о том в присутствии высшего местного начальства и приглашенного к тому духовного лица, который объясняет им важность даруемого облегчения и обязанность употребить всевозможное старание, чтобы сделаться вполне достойными сей милости правительства (ст. 301 Уст. Ссыл.)» [27]. Ст. 300 Уст. Ссыл. устанавливает факт правомерного поведения осужденного, результатом которого становится соблюдение предписаний тюремного режима как факт нравственного выздоровления, ст. 301 — факт юридического исправления и перевод его в отряд исправляющихся. Таким образом, в структуре частно-предупредительной деятельности в местах лишения свободы закон дает маневр в осуществлении прогрессивной системы исполнения наказания.

Каторжные отряда исправляющихся содержатся без оков, а при использовании их на работах — непременно отдельно от испытуемых (ст. 302 Уст. Ссыл.). Оковы могут быть сняты с каторжных на основании представлений управлений, заведующих каторжными тюрьмами, по разрешению генерал-губернаторов, тем из них, которые подадут надежду на исправление, но во всяком случае не ранее, как по истечении двух третей

назначенного для испытания их времени (ст. 304 Уст. Ссыл.). Значительно улучшается правовое положение ссыльнокаторжных в соответствии со ст. 305 Уст. Ссыл. Предусматривается для каторжных первого разряда через 3 года, второго разряда — через 2, а третьего — через 1 год после поступления в отряд исправляющихся, получить дозволение жить не в остроге, а в комнатах заводских мастерских, или же построить себе дом на земле, принадлежащей к заводу, и вступить в брак. В качестве награды каторжным отряда исправляющихся может быть засчитано десять месяцев исполнения наказания за год действительных каторжных работ, если они с самого поступления не подвергались никакому наказанию (ст. 309 Уст. Ссыл.). По отбытии назначенного судом наказания ссылкой на каторжных работах, срок которого, вследствие того, 10 месяцев пребывания в разряде исправляющихся считается за год, может быть сокращен на время от 6 месяцев (для лиц осужденных на 4 года), до 2 лет и 8 месяцев (для осужденных на 20 лет). Затем все каторжные причисляются в отряд ссыльнопоселенцев, причем дальнейшему содержанию в тюрьме уже не подлежат.

Закон, устанавливая льготу каторжным в виде внетюремного условия отбывания наказания, улучшал правовой статус заключенных. Арестант собственными усилиями и стараниями мог улучшить свое положение, при котором было больше свободы, заслужить доверие досрочного освобождения. Определение законом различных ступеней процесса исполнения наказаний, с отмеченными сроками его отбывания, в свою очередь классифицирует осужденных, в основе которой заложен принцип индивидуализации, предусматривавший применение стимулирующих норм в зависимости от их поведения и усердия к арестантскому труду. Такие прогрессивные тенденции стали закладываться в пореформенный период в исполнении уголовного наказания.

Вместе с тем «закон не указывает средств, которые должны быть употреблены для достижения начала исправления каторжного, но полагает, что каждый каторжный, — неизвестно в силу чего, — через известный срок начнет исправляться. Срок наступления этого начала исправления законом также указан определенный, но не одинаковый, для каторжных, присужденных к разным степеням наказания; чем больший срок каторжных работ назначен человеку, тем долее не начнет он по мысли закона исправляться» [28]. Такая неопределенность норм права закона относительно перехода в отряд исправляющихся, безусловно, сдерживала пенитенциарные начала тюрьмы.

«Обращение на заводы: каторжные I разряда используются всегда на тяжелые работы, и как с успехами искусств свойство работ может изменяться, то начальство заводов обязано в случае изменений рода их, определяя со всей возможной точностью, на какие из работ должны быть обращены каторжные первого разряда, доводить о сем по сему предположению до сведения генерал-губернатора и испрашивать его разрешения (ст. 294 Уст. Ссыл. по прод. 1895 г.)» [29]. Ст. 294 Уст. Ссыл. в максимальной степени устанавливала карательный характер наказания, определяя каторжных I разряда на заводы на самые тяжелые работы. Однако не во всех каторжных тюрьмах свойство работ и вообще вся обстановка соответствовала тем условиям, какие закон предписывал для содержания тяжких уголовных преступников.

Инспекционная поездка Галкина-Врасского — начальника Главного тюремного управления — в Сибирь по результатам его командировки показала неудовлетворительное состояние ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге. Тюремные помещения для каторжных в Сибири за немногими исключениями ветхи и по внутреннему устройству скорее походят на казармы, чем на тюрьмы. Это обстоятельство и чрезвычайная ограниченность средств надзора за арестантами лишают возможности предупредить их побег [30]. Теснота зданий, кроме неудобств в содержании преступников, влечет за собой неточное исполнение закона относительно сроков тюремного заключения [31]. В таком случае трудно ожидать, что без коренного изменения правил, регулирующих отбывание наказания каторжными работами, в этих местах заключения мог бы водво-

риться порядок, сколько-нибудь удовлетворительный в пенитенциарном отношении [32]. Отсюда и огромное количество побегов каторжан.

Легкость совершения побегов ссыльнокаторжных объясняется главным начальством Восточной Сибири так: с одной стороны, дурным устройством и недостаточностью тюремных помещений в местах каторги; с другой — характером самих каторжных работ, производящихся на открытом воздухе, в местностях пересеченных и разбросанных, вследствие чего надзор за работающими преступниками, в особенности при сравнительно малочисленной страже, делается в высшей степени затруднительным [33]. Кроме того, мысль об отчужденности от остального мира усиливает болезненное состояние организма, а сознание, что эта жизнь не изменится в течение многих лет, а быть может никогда, ослабляет энергию — столь необходимую для успеха всякого дела [34].

Все вышеизложенное приводит к заключению, что главнейшие недостатки уголовного наказания состояли в том, что для самых тяжких преступников имелись или тюрьмы без каторжных работ или каторжные работы без тюрем. Поэтому преобразование заключались преимущественно в устранении этих двух существенных недостатков, так, чтобы осужденные на каторгу могли быть подвергнуты самой строгой тюремной дисциплине и не оставались бы в то же время в бездействии [35].

Таким образом, ссылка на каторгу как наказание есть страдание и сопряжено с рядом неблагоприятных последствий для каторжного, и принадлежит по существу к карательной деятельности государства. Вместе с тем закон предусматривал возможное сокращение страданий преступника, то есть сокращение более или менее продолжительного срока отбывания лишения свободы. Вышеназванные нормы права предполагали прежде всего ограждение общества от преступников на тот или иной срок каторжных работ, и с целью исправления. Всякое наказание — принуждение, а потому государственная власть вынуждает их повиноваться своим нормам закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. ПСЗ № 60268. Закон 11 декабря 1879 года «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре уложения о наказаниях».
2. См. Энциклопедический словарь библиографического общества «Гранат». Т. 36. Часть V. М., 1936. С. 633-634.
3. См. по кн. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 53.
4. См. Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. С. 179.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 412-413.
6. Познышев С. В. Основные вопросы о наказании. М., 1904. С. 371 - 372.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. СПб., 1915. С. 5
8. Уголовно-исполнительное право: Учебник. М., 1998. С. 306.
9. Познышев С. В. Указ. соч., с. 372.
10. Алексеев С. С. Общая теория права Т. 1. М., 1981. С. 173.
11. Керимов Д. П. Проблемы общей теории права М., 2000. С. 46.
12. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89. Л. 19 об.
13. См. Российское законодательство X-XX веков. М.: Юрид. Лит., 1991. С. 213.
14. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89. Л. 18 об.
15. Там же, л. 24.
16. См. Указ. соч., л. 25.
17. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1072. Л. 300 об.
18. Там же, л. 3001 об.
19. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89. Л. 26.
20. Там же, л. 24.
21. Там же, л. 24 об.

22. См. Свод законов Российской империи. Т. XIV 1895г. изд. и по прод. СПб., 1895. С. 185, 204.
23. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1072. Л. 302 об.
24. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89. Л. 30.
25. Там же, л. 120
26. См. Свод законов Российской империи ..., указ. соч., с. 181.
27. Познышев С. В. К вопросу о преобразовании нашей каторги. М. -Л., 1923. С. 5.
28. Там же.
29. Свод законов Российской империи ..., указ. соч., с. 180.
30. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 176. Л. 61об. - 62.
31. См. Власов. Краткий очерк неустройств существующих на каторге. СПб., 1880. С. 3.
32. РГИА. Ф. 565. Оп. 8. Д. 29852. Л. 46 об.
33. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 72. Л. 336.
34. Там же, л. 304.
35. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 55. Л. 271 об.

Галина Ивановна НЕМЧЕНКО —
*заведующая кафедрой предпринимательства
и таможенного дела,
доктор экономических наук, профессор*

УДК 336.1/5.342

ГОСУДАРСТВО КАК ОРГАНИЗАЦИЯ ОСОБОГО ВИДА

АННОТАЦИЯ. Интерпретация автором теории относительно результатов реальных изменений в российском государстве представляет интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. Отличительной чертой настоящей статьи является институциональный подход, структурированный с позиций экономического, правового и организационного обеспечения. Материалы статьи проиллюстрированы статистическими данными Министерства финансов РФ об использовании Федерального бюджета РФ за период 1999-2003 гг., а также данными международных рейтинговых агентств.

The try to interpret the theory according to the real results of the Russian state transformations may be interesting from both theoretical and practical points of view. The distinctive feature of the present article can be regarded as an institutional approach which is structured from the point of view of economical, legal and organizational support connections. The materials illustrated by the statistic data of the Ministry of Finance of the Russian Federation concerning the carrying out of the Federal budget of the Russian Federation for the period from 1999 to 2003, and also the international rating agencies.

Если преобразования в первичных и агрегированных звеньях национальной экономики — предприятиях, промышленных и хозяйственных ассоциациях, финансово-промышленных объединениях, группах и других комплексах осуществляются в направлении рыночных отношений, то вектор строительства демократического государства в РФ не сконструирован ни теоретически, ни в практической деятельности органов власти. Несмотря на то, что Конституцией РФ Российская Федерация провозглашена «демократическим федеративным правовым» ст. 1.1 и «социальным» ст. 7.1. государством [1], в реальной действительности макроэкономическая политика правительства сопровождается непредусмотренными и неожиданными побочными эффектами. Конкретизация функций, методов вмешательства, механизмов регулирования и иных институциональных преобразований осуществляется непоследовательно, бессистемно и часто нелогично.